

АНДИЖАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1898 ГОДА: ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДИСКУССИИ И В ИСТОРИОГРАФИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

Авазов Э. А. (Джалал-Абад, Кыргызстан)

Аннотация: В историографии истории Кыргызстана и других постсоветских среднеазиатских республик в разные времена Андижанское восстание 1898 г. в Ферганской долине трактовалось неоднозначно. Дореволюционная историография восстания теснейшим образом отражала политику властей. Управленческие круги Российской империи объявили это событие как «газават», в советской исторической литературе как очередное народное движение против царской власти, в постсоветский период как национально-освободительное движение и т. д. В данной статье мы попытаемся рассмотреть историографию и проанализировать разные интерпретации дореволюционного периода. В статье дана обстоятельная характеристика в историографии проблемы, изменения направленности и содержания ее изучения, выявлены ведущие тенденции, результаты и определены перспективы дальнейшего развития историографии истории Андижанского восстания 1898 года. Существенным признаком научной новизны статьи является переосмысление и раскрытие слабо освещенных аспектов в историографии Андижанского восстания 1898 года, например, наличие религиозного фанатизма и использование исламского фактора.

Ключевые слова: Андижан, Фергана, 1898 год, восстание, исследования, историография.

THE ANDIJAN UPRISING OF 1898: MAIN ISSUES OF DISCUSSION IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE PRE-REOLUTIONARY ERA

Avazov E. A. (Jalal-Abad, Kyrgyzstan)

Abstract: In the historiography of the history of Kyrgyzstan and other post-Soviet republics at different times, the Andijan uprising of 1898 in the Fergana Valley was interpreted ambiguously. The pre-revolutionary of the uprising closely reflected the policy of the authorities, was directly connected. The administrative circles of the Russian Empire declared this event as a «gazavat», in Soviet historical literature as another popular movement against the tsarist government, in the post-Soviet period as a

national liberation movement, etc. In this article we will try to review historiography and analyze different interpretations of the pre-revolutionary. The article provides a detailed description of the historiography of the problem, the change in direction, and the content of its study, identifies the leading trends, results and defines the prospects for the further development of the historiography of the history of the Andijan uprising of 1898. An essential sign of the scientific novelty of the article is the rethinking and disclosure of poorly illuminated aspects in the historiography of the Andijan uprising of 1898, for example, the presence of religious fanaticism and the use of the Islamic factor.

Keywords: *Andijan, Fergana, 1898, uprisings, research, historiography.*

В качестве одного из ярких примеров национально-освободительной борьбы народов многонациональной Ферганской долины против имперской системы России следует назвать восстание 1898 г., известное в исторической науке как Андижанское (событие происходило 17 мая 1898 г. в городе Андижан, ныне областной центр Республики Узбекистан – А.Э.) Руководителем восстания был один из суфийских лидеров накшибандийского течения Мухаммед Али Халиф Сабыр Сопу оглы. Он был жителем села Мин-Тюбе Маргаланского уезда Ферганской области (современное село Мархамад Республики Узбекистана). Кыргызы называли его Мадали или Йийкчи ишаном, а узбеки и таджики Дукчи ишаном, так как, согласно традиции предков, он занимался выделкой веретен, отчего и получил прозвище. Он был особенно популярен среди кыргызского населения. Среди оседлого населения некоторые представители улемов занимали оппозиционную позицию в отношении Дукчи ишана. Поэтому основная часть его мюридов (последователь, ученик – А.Э.) были кыргызами. Восстание было быстро подавлено из-за отсутствия четкой организации, плана действий и единого руководства. Однако это событие произвело колоссальное влияние на царскую политику в крае.

Несмотря на то, что восстание было при активной поддержке ферганских кыргызов, исследованию кыргызской историографии уделялось мало внимания. Цель исследования состоит в системном историографическом анализе исторической литературы, направленном на выявление позиций и взглядов авторов по проблемам Андижанского восстания.

Исходя из данной цели, автор определяет следующий круг задач:

- проанализировать работы дореволюционных авторов и определить особенности оценки Андиганского восстания исследователями дореволюционного периода;
- определить неизученные или слабо освещенные вопросы и предложить рекомендации по организации будущей исследовательской работы.

Общетеоретическую основу настоящего исследования составляет так называемый цивилизационный подход к осмыслению исторических процессов. В качестве научного инструментария исследования выступают историко-генетические и сравнительные методы.

Хронологические рамки исследования охватывают дореволюционные периоды изучения рассматриваемой темы от начала Андиганского восстания до 1917 года. Основную группу источников составляет научная историческая литература. К ней относятся опубликованные работы исследователей дореволюционного периода, оставившие информацию о ходе и результатах Андиганского восстания.

Первое официальное сообщение об Андиганском восстании 1898 года опубликовано на страницах газеты «Туркестанские ведомости» под названием «Беспорядки в Фергане». Сообщались фактические данные о выступлении, которое произошло среди общего спокойствия и посеместного благополучия населения края, в котором не было ни губительных, повальных болезней, ни продовольственных затруднений, ни мероприятий, которые могли вызвать народное волнение. Причины восстания объяснялась оживлением мусульманских идей [1]. В последующих номерах газеты сообщалось об административных мерах, принятых правительством для усмирения и расследования беспорядков, а также других подробностях восстания. Под углом зрения газавата рассматривали восстание и представители Туркестанского военного округа. Генерал-лейтенант Н. И. Корольков в своем отчете сводил восстание к религиозному лозунгу «газават», «фанатическому возбуждению туземного населения» и действиям Мадали ишана. Начальник Маргеланского уезда А. И. Бряннов в своем донесении также писал, что в основе восстания лежал религиозный фанатизм, которым, несомненно, заражено все население. Андиганские события поставили под сомнение политику «игнорирования» ислама, которую российское правительство проводило в Туркестане с 1867 года, с момента назначения Константина Петровича фон Кауфмана первым

генерал-губернатором округа. В результате С. М. Духовской, занимавший должность генерал-губернатора на момент восстания, призвал к более активной политике в отношении ислама и высказался за принятие жестких административных мер в отношении суфиев, введения административного контроля над мусульманским духовенством и тщательного наблюдения за настроениями в среде приверженцев ислама, что шло вразрез с прежним курсом. Подобные характеристики были даны восстанию и в периодической печати того времени. Этим власти стремились затушевать истинные причины восстания, направленного против колониальной политики царизма.

По поводу этого известный миссионер Н. Остроумов писал следующие: «Изложенные выше надежды и чаяния двух преемников К. П. фон-Кауфмана на обрусение туземцев Туркестанского края, на слияние туркестанской окраины с метрополией не оправдались: в 1892 году произошел крупный скандал среди туземцев гор. Ташкента, а в 1898 году вся Ферганская область была охвачена восстанием, угрожавшим спокойствию всего края... Тогда-то в первый раз и вспомнили, между прочим, о коренных туземных школах, оказавшихся не только не вымиравшими, как надеялись русские администраторы ново завоеванного мусульманского края, не признававшие мусульманскую культуру жизнеспособною» [5, с. 146].

В первоначальных исследованиях колониального периода господствует мнение о происхождении восстания на основе религиозного фанатизма. Такие версии можно оценивать как официальное мнение. В рядах сторонников официальной версии были И. П. Ювачев, Н. С. Лыкошин, М. А. Терентьев, Н. П. Остроумов и другие. В версиях, появившихся при условиях жесткой цензуры, у исследователей колониального периода намечается однородность. Основной упор при изложении антиколониальной борьбы в работах данного периода сделан на соблюдении интересов российской империи.

Например, И. П. Ювачев в своем очерке «Курбан-Джан-Датха, кара-киргизская царица Алая», написанном в 1907 году, упоминает Андиганское событие и придерживается официальную версию. Он пишет: «В 1898 г. подготовлено было новое большое восстание и объявлен газават против русских. Мне придется остановиться на этом восстании несколько дольше, ввиду ложного ходячего мнения, что военная администрация Туркестана, боясь потерять насиженные места, с предполагаемым переходом края в

распоряжение министерства внутренних дел, будто бы умышленно вызвала андижанскую резню, чтобы показать необходимость еще здесь военной власти. На самом же деле объявление газавата можно объяснить только религиозным фанатизмом населения страны» [11, с. 972–973].

Другой автор, Н. С. Лыкошин, считал, что газават лишь одна из причин восстания, и далеко не самая главная. По его мнению, важнейшие причины – это:» 1. Дикость ферганских киргизов. 2. Мусульманский фанатизм. 3. Дурное влияние туземных официальных лиц, настроенных против интересов России, некоторые из которых приложили свои печати к прокламации Дукчи Ишана. 4. «Каменная стена» туземной администрации, которая закрывала Туркестанскому туземному населению доступ к истинным благам русской цивилизации» [2, с. 58].

В трехтомном труде генерал-лейтенанта М. А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», созданном в начале XX века, Андижанское восстание описывается в рядах событий XVIII–XIX веков. Автор, прослуживший в Туркестане 40 лет, причины событий находил в ослаблении роли военных в управлении краем, слабым контролем деятельности мусульманского общества и недостаточном внимании к выборам старшин и казиев, незнании русской администрацией местных обычаев и языков.

Автор книги М. А. Терентьев свои выводы изложил в 27 пунктах по Андижанскому восстанию. Среди них автор подчеркивал следующие причины: «Привычки населения Ферганы к волнениям и беспорядкам, сопряженным с грабежами, отсутствие надзора за мусульманским духовенством и школами, свобода публичной проповеди мусульманскими миссионерами» [8, с. 487]. Большинство сторонников таких мнений не могли указать истинные причины восстания, так как они были представителями колониальной администрации. Были, однако хотя и единичные, авторы, которые стремились трезво оценить причины восстания. Отличные от официальной версии мнения встречаются, в частности, в трудах В. Салькова и анонимного автора С. Т-ова. В своем исследовании В. Сальков отмечал, что народные волнения редко бывают последствием одной причины, и невольно признавал, что целью восстания было стремление положить конец источнику мучений народа, а не по причине религиозного фанатизма. «Народные восстания редко бывают последствием одной причины, – писал он, – они отражают на себе частью сознательное, частью бессознательное стремление положить

немедленный конец всему, что в глазах мятежников представляется вопиющей неправдой и ближайшим источником их бедствий. В печати старались до некоторой степени пролить свет на причины Андиганского восстания, но, в общем, кажется, все было объяснено мусульманским фанатизмом, который всегда является объяснением непонятных явлений в общественной жизни мусульманских народов. Хотя это отчасти и правда, но главной причиной служит низкий уровень умственного развития безумцев, вздумавших угрожать палками, серпами, дубинами нашей обширной Империи. Андиганское дело лишний раз доказало, что необразованный люд и темная народная масса легко фанатизируемая посторонними влияниями, является постоянной угрозой существующему порядку» [7, с. 124].

В 1908 г., в связи 10-летием восстания, на страницах журнала «Исторический вестник» была опубликована статья анонимного автора С.Т-ова. Автор статьи отрицает доминирующее положение мусульманского фанатизма в восстании. Автор поставил конкретный вопрос: «Явилось ли это (восстание – А. Э.) следствием фанатизма изуверов или же иных причин? Официальное следствие, произведенное с целью раскрытия истинной причины восстания 1898 г., – писал он, – выяснило, что причина заключалась почти исключительно в фанатизме мусульман, имеющем в своем основании религиозную нетерпимость к своим повелителям – кафирам» [9, с. 664]. Главную причину он видел в ускорении обрусения края, чем были ущемлены религиозные интересы мусульман.

Другой автор – В. Наливкин обратил внимание на причины возникновения восстания. Основной причиной восстания он считал недостатки в деятельности колониальной администрации. Автор первый и, пожалуй, единственный из дореволюционных исследователей прямо заявил о своей непримиримой позиции в отношении существовавшего в Туркестанском крае режима правления, считая его чрезмерно жестким и подверженным коррупции. Основной причиной восстания он считал недостатки в деятельности колониальной администрации. «Мы говорили и писали по поводу восстания очень много, но ни одним словом не обмолвились о самой главной, наиболее существенной причине этого восстания (т.е. «восстание» Дукчи ишана), о тех тяжких, хронических недугах нашей официальной жизни (служебной и общественной), которые, будучи нежелательными и вредными вообще, представляются сугубо вредными и опасными на

мусульманской окраине», – пишет он [4, с136]. Здесь следует отметить, что Наливкин через несколько лет разделял взгляды Н. С. Лыкошина. Он повторил и более пространно изложил недостатки в деятельности колониальной администрации.

Таким образом в колониальном периоде Андижанское восстание во многих исследованиях оценивалась согласно представлению властей о присущем ферганским мусульманам природном «фанатизме» и вытекающей отсюда угрозе исламского мятежа и газавата. Поэтому многие представители властей и исследователи также утверждали, что это восстание свидетельствовало о новой панисламской угрозе, ссылаясь на главу восстания – духовного лидера Дукчи Ишана, на возможность сношений его с османским султаном Абдул-Хамидом II [3, с. 48].

Разразившееся в 1898 г. Андижанское восстание заставило туркестанские и центральные власти вновь задуматься о месте и роли курса Кауфмана. Мнения разделились. Часть местных администраторов настаивали на установлении контроля над мусульманскими учреждениями вплоть до создания в Туркестане мусульманского духовного управления. Некоторые чиновники поддерживали позицию действующего курса. Из указаний генерал-губернатора С. М. Духовского можно заметить то, что он был согласен с тем, что невозможно управлять народом, не зная условий его жизнедеятельности, языка и религии. В этом плане он дал особое значение место и роли русско-туземных школ. После обхода территории края в связи Андижанским восстанием губернатор, продолжив мысль первого генерал-губернатора о необходимости совместного воспитания детей русских и туземцев, приступил к политике к увеличению количества русско-туземных школ. Он поднял вопрос об организации экскурсий в Россию для мусульманских учеников. «Необходимо местных мусульманский юношей, обучающихся в русско-туземных школах и русских учебных заведениях, посылать ежегодно в каникулярное время в Россию, чтобы они воочию убедились, что представляет собой эта страна и народ ее населяющий», – писал он в своем отчете «Ислам в Туркестане» [6, 63–64]. Он так же считал необходимым введение точной регистрации всех мусульманских учреждений в крае и передаче всех мусульманских школ в ведение администрации. В страницах газеты «Таржуман» писали об этом следующее: «Генерал-губернатор Духовской поднял вопрос об организации путешествия мусульманских учеников русских школ в Россию и поручил инспектору народных училищ Граменицкому

подготовить проект. В итоге летом 18 мусульманских учеников из Самарканда посетили Петербург», – поделились информацией редакторы газеты [10].

Таким образом, открытие таких школ развивалось быстрыми темпами особенно после Андижанского восстания. Одновременно в немалом количестве открывались мусульманские учебные заведения. Правительство периодически пыталось принять меры, чтобы преградить путь к открытию новых мусульманских школ. Однако, несмотря на все ограничения, такие школы открывались в регионе повсеместно. В ответ на это появляются новые движение новометодных школ джадидизма.

Историографический анализ периода становления дореволюционной историографии показывает, что в это время в ней утвердилась исламофобийские тенденции, наряду с формированием официальной версии.

Изучив опыт и мнения дореволюционных авторов, опираясь на достижения современной историографии в заключение предлагаем следующие выводы:

- Андижанское восстание относится ко второму этапу осуществления имперской политики царизма в Ферганской долине – к этапу перехода на полноценную колониальную политику. Неправильно оценивать восстание как случайное событие. Генезис восстания заложен в характере колониальной политики и в ее в принципах поэтапности, постепенности и русификации;
- несмотря на то, что восстание возглавлялось представителем суфийского ордена накшбандии, духовным лидером Мадали ишаном, и имело воззвание к священной войне – газавату, нельзя считать основной причиной восстания религиозный фактор. В то же время нельзя отрицать религиозные цели представителей духовенства, принимавших участие в восстании. Воззвание к газавату имело место и в событиях до Андижанского восстания;
- современная историография вопроса должна обеспечить преемственную связь в развитии исторической мысли, определить ее перспективы на каждом конкретном направлении и не допустить доминирования некоторых тенденций фолк-истории, которые в разной степени проявляются в процессе становления национальной истории.

Литература

1. Беспорядки в Фергане. Туркестанские ведомости. № 37(1665).
2. *Лыкошин Н. С.* К десятилетию Андижанской резни // Исторический вестник 1908. № 5. С. 52–59.
3. *Мориссон А.* Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия андижанского восстания // Tartaria Magna. 2013 № 2. С. 48.
4. *Наливкин В.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: А. Л. Кирснер, 1913. 144 с.
5. *Остроумов Н. К.* Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. В кн.: Кауфманский сборник. М., 1910. 189 с.
6. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по высочайшему повелению сенатором Гофмейстром графом К. К. Паленом // Сельское управление. Русское и туземное. СПб. Сенаторская типография. 1910. 226 с.
7. *Сальков В.* Андижанское восстание 1898 г. Казань 1908. 130 с.
8. *Терентьев М.* История завоевания Средней Азии. СПб. 1906. Т. 3. 499 с.
9. *Т-ов. С.* Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. 1908. № 5. С. 659–670
10. Туркистан валийсиниг гозал Тадбири (Хорошее решение губернатора Туркестана) // Таржуман, 1899. № 40. С. 1.
11. *Ювачев И. П.* Курбан-джан датка каракиргизская царица Алая» // Исторический вестник. 1907. № 12. С. 954–980.